

Чигози Обиома

.....

Чигози Обиома

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(669)

ББК 84(6Ние)-44

О-15

Chigozie Obioma
THE FISHERMEN

Серия «Шорт-лист»

Перевод с английского *Нияза Абдуллина*

Под редакцией *Дмитрия Румянцева*

Печатается с разрешения агентства
Pontas Literary & Film Agency

Художник *Екатерина Белявская*
Дизайнер *Василий Половцев*

Обиома, Чигози.

О-15 Рыбаки : [роман] / Чигози Обиома ; [пер. с англ. Н. Абдуллина]. — Москва: Издательство АСТ, 2017. — 352 с. — (Шорт-лист).

ISBN 978-5-17-100093-6

Четверо братьев из нигерийского города Акуре, оставшись без надзора отца — тот уехал работать на другой конец страны, ходят рыбачить на заброшенную реку, пользующуюся у местных жителей дурной славой. Однажды на пути домой братья встречают безумца Абулу, обладающего даром пророчества. Люди боятся и ненавидят Абулу, ведь уста его — источник несчастий, а язык его — жало скорпиона... Безумец предсказывает Икенне, старшему брату, смерть от руки рыбака: одного из младших братьев. Прорицание вселяет страх в сердце Икенны, заставляя его стремиться навстречу року, и грозит разрушением всей семье.

В дебютном романе Чигози Обиома показывает себя гениальным рассказчиком: его версия библейской легенды о Каине и Авеле развивается на просторах Нигерии 1990-х годов и передана она восхитительным языком, отсылающим нас к сказкам народов Африки.

УДК 821.111-31(669)

ББК 84(6Ние)-44

The Fishermen © by Chigozie Obioma, 2015

Illustrations © 2015 Jon Gray

© Абдуллин Н., перевод, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

ISBN 978-5-17-100093-6

*«Батальону»,
моим братьям (и сестрам),
посвящается*

Заслышав поступь одного, толпа в бегство не
обратится.

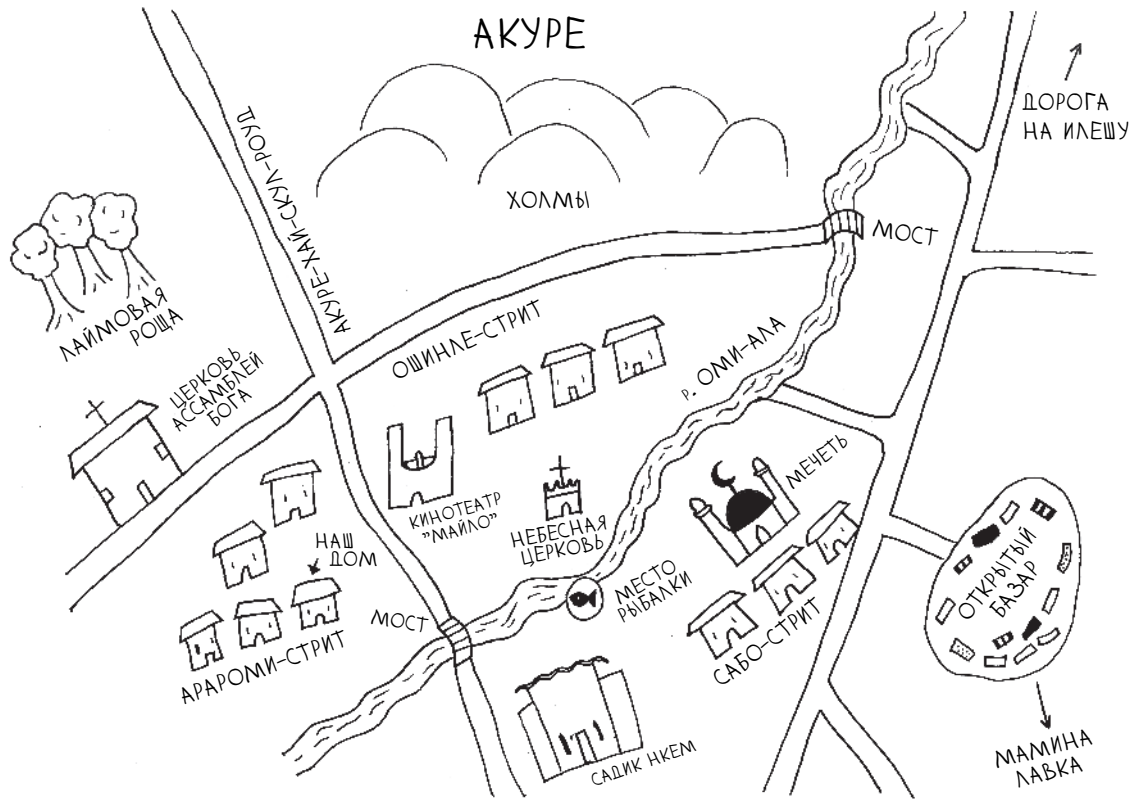
Пословица народа игбо

Безумец принес в наш дом жестокость
Осквернив священные места
Назвавшись глашатаем высшей истины
Железом подчинив наших первосвященников
Ах! да, детей,
Что топтали могилы наших дедов,
Поразит безумие.
Отрастут у них зубы ящериц
На наших глазах пожрут они друг друга
И по завету предков
Нельзя останавливать их!

Мазиси Кунене*

---

* © Мазиси Реймонд Кунене (1930–2006), зулусский поэт и критик.

1. Рыбаки

Мы были рыбаками.

Я и мои братья стали рыбаками в январе 1996-го. Отец тогда уехал из Акуре, города на западе Нигерии, где мы прожили всю жизнь. В первую неделю ноября предыдущего года начальство — а работал отец в Центральном банке Нигерии — перевело его в отделение в городе Йола, что на севере страны. До Йолы — огромное, верблюжье, расстояние, больше тысячи километров.

Помню вечер, когда отец вернулся с письмом о переводе; была пятница. Всю ночь потом и всю субботу родители шептались, точно священники, — а утром воскресенья маму было не узнать. По дому она ходила, точно мокрая мышь, отводила глаза. В церковь не пошла, осталась дома: стирала и гладила отцовскую одежду. На лице у нее при этом было непроницаемое мрачное выражение. Ни отец, ни мать не сказали ни слова — ни мне, ни моим братьям: Икенне, Бодже и Обембе, — а мы ни о чем не спрашивали. Понимали: когда два стража нашего дома, отец и мать, вот так замыкаются в молчании — как замыкаются створки сердечных клапанов, удерживающих кровь, — то стоит задеть их, и дом затопит. В такие дни мы с братьями старались не высо-

вываться в гостиную, где на четырехуровневой этажерке стоял телевизор; мы сидели по комнатам: делали уроки или же притворялись, что делаем. Мы тревожились, но вопросов не задавали. Хотя и прислушивались к звукам из гостиной, желая понять, что же все-таки происходит.

К ночи воскресенья до нас начало кое-что долетать. Крохи информации выпадали из монологов матери, как перья из хвоста пушистой птицы.

— Что это за работа такая, если заставляет отца бросить воспитание сыновей? Да будь у меня семь рук, разве же я управлюсь одна с этой оравой?

Хотя мать не обращалась ни к кому конкретно, ее беспокойные вопросы несомненно предназначались отцу. Тот сидел в глубоком кресле, спрятавшись за выпуском любимой газеты «Гардиан»; мать он слушал вполуха, однако слышал все до последнего слова. Он всегда оставался глух, когда к нему обращались не напрямую, и считал, что это «трусливые слова». Как ни в чем не бывало он продолжал читать, лишь изредка выдавая порцию громких комментариев, то возмущаясь, то радуясь написанному в газете: «Если есть в мире справедливость, то эта ведьма, жена Абачи, скоро будет оплакивать мужа» или: «Ох ты, Фела* — просто бог! С ума сойти!», или: «Рубена Абати** давно пора уволить!» Что угодно, лишь бы показать матери: причитает она впустую, ее нытье никому не интересно.

---

* Олуфела Олусегун Олудотун Рансоме-Кути (1938–1997), нигерийский музыкант.

** Рубен Абати (р. 1965), нигерийский журналист, общественно-политический деятель.

Перед отбоем Икенна, которому было почти пятнадцать и который растолковывал для нас большинство вещей, предположил, что отца переводят. Боджа, на год младше Икенны, почувствовал бы себя дураком, если бы у него не оказалось своего мнения, и поэтому сказал: отца, наверное, отправляют «на Запад» (этого мы всегда ждали со страхом). Обембе, которому было одиннадцать — на два года больше, чем мне, — промолчал. Я тоже не нашел слов, однако долго ответов ждать не пришлось.

Мы все узнали на следующее утро. В комнату, которую мы делили с Обембе, внезапно вошел отец, одетый в коричневую футболку. Он снял очки и положил их на стол — жест означал, что отец требует внимания.

— Сегодня я уезжаю в Йолу и буду жить там, а вы не вздумайте доставлять матери хлопот. — Он скорчил гримасу, как всегда, когда хотел спустить на нас гончих страха. Говорил отец медленнее и громче обычного. Его глубокий голос вколачивал слова, как голгофские гвозди, в доски нашего разума. Если мы все же провинимся, одной простой фразой: «Я ведь предупреждал» — он заставит нас вспомнить этот момент и свои наставления в малейших деталях.

— Я буду постоянно звонить, и если мать сообщит плохие новости... — он для пущей выразительности поднял палец — ...о любой выходке, не миновать вам Воздаяния.

«Воздаяние» — слово, призванное подчеркнуть серьезность угрозы и неотвратимость кары, — он произнес с таким жаром, что вены на висках вздулись. Этим словом отец часто завершал свою речь. Достав

из нагрудного кармана пиджака две банкноты в двадцать найр, он кинул их на наш письменный стол.

— Это вам на двоих, — сказал отец и вышел.

Мы с Обембе по-прежнему сидели на кровати, гадая, что бы все это могло значить, когда с улицы донесся голос матери. Говорила она так громко, будто отец уже был далеко:

— Эме, не забывай: у тебя сыновья. Их воспитывать и воспитывать!

Она еще говорила, когда отец завел мотор своего «Пежо-504». Мы с Обембе выскочили наружу, однако машина уже выезжала за ворота. Отец уехал.

Всякий раз, стоит подумать о случившемся и о том, что это было последнее утро, проведенное нами вместе единой семьей, которой мы всегда были, мне хочется — даже сейчас, спустя два десятка лет, — чтобы отец не уезжал, чтобы ему не приходило письмо о переводе. Пока отец не получил его, все было на месте: он по утрам уходил на работу, а мать, которая держала на рынке лавку свежих продуктов, присматривала за мной, моими братьями и сестренкой. Мы, как и прочие дети из большинства семей в Акуре, учились в школе. Все шло своим чередом, мы почти не задумывались о прошлом, и время для нас ничего не значило. Тянулись дни, в пыльном в засушливую пору небе проплывали облака, и солнце не заходило до позднего вечера. В сезон дождей полгода кряду непрерывным потоком сверху лилась вода; небо корчилось в конвульсиях грозы, и словно чья-то невидимая рука малевала в нем расплывчатые полотна. Все следовало устоявшемуся порядку, и дни попросту не запоминались.

Значение имели только настоящее и обозримое будущее. Обрывки его зачастую пронеслись по рельсам надежды с оглушительным слоновьим ревом, точно локомотив, в сердце которого — черный уголь. А порой проблески будущего мелькали во снах или в потоке фантазий, шептавших: *я стану летчиком, президентом Нигерии, богачом, у меня будут свои вертолеты*, — ибо мы сами создавали его. Оно было как чистый холст — рисуй что хочешь. Переезд отца изменил порядок вещей: время, смена сезонов и прошлое внезапно обрели значение; нам вдруг стало чудовищно не хватать минувшего, оно теперь было нужнее, чем настоящее и будущее.

С того дня, как отец поселился в Йоле, связаться с ним можно было лишь по зеленому настольному телефону, на который нам обычно звонил из Канады мистер Байо, папин друг детства. Мать напряженно ждала звонков отца. В настенном календаре у себя она отметила дни, когда он звонил, и, если он нарушал «расписание», сидела перед телефоном до глубокой ночи. Потеряв терпение, развязывала узелок на подоле *вранты** и доставала из него скомканный листочек бумаги. Снова и снова набирала по нему номер телефона, пока отец не снимал трубку. Если мы к этому времени еще не спали, то толклись возле матери в надежде услышать отцовский голос, просили: уговори отца, чтобы он забрал нас к себе. Отец неизменно отказывал, повторяя, что Йола —

---

* От *англ.* «wrapper» (*букв.* «обертка»), деталь гардероба, длинная ткань с каким-либо орнаментом, в которую заворачиваются женщины.

город беспокойный и в нем часто случаются погромы, особенно против людей нашего племени, игбо. Мы не сдавались — до марта 1996 года, когда вспыхнули кровавые религиозные столкновения. Добравшись наконец до телефона, отец рассказывал — на фоне треска выстрелов, — как он едва-едва избежал смерти: погромщики напали на его район, и в доме через улицу расправились с целой семьей.

— Детишек зарезали, как цыплят! — сказал он, особо выделив слово «детишек», чтобы никому в своем уме и в голову не пришло проситься к нему в Йолу. На том уговоры закончились.

Отец взял за традицию возвращаться через выходные на своем седане «Пежо-504» — пятнадцать часов в дороге! — пропыленным и изнуренным. Мы с нетерпением ждали субботы, и, когда отец сигнализировал из-за ворот, кидались ему открывать — строя догадки, какой гостинец он привез на этот раз. Мало-помалу мы привыкли к его нечастым приездам, и все изменилось. Его авторитет, его аура самобладания и спокойствия, прежде огромные, постепенно усохли до размеров горошины. Порядок, установленный в доме — послушание, учеба и обязательный дневной сон, некогда неотъемлемая часть нашего ежедневного существования, — постепенно распался. Зоркие отцовские глаза застила пелена, а ведь прежде они, как нам казалось, видели любой, даже самый мелкий наш проступок, как его ни утайвай. На исходе второго месяца отцовская длинная рука, сжимавшая плеть — знак предостережения, — не выдержала и сломалась, точно сухая ветка. Мы вырвались на свободу.

Мы поставили книги на полки и отправились исследовать заветный мир за гранью привычного. Выбрались на городскую футбольную площадку, где играли почти все дворовые мальчишки. Правда, мальчишки эти оказались волчьей стаей и нам не обрадовались. И хотя мы сами никого из них не знали — кроме Кайоде, жившего через пару кварталов от нас, — они знали нашу семью и даже имена родителей. Постоянно изводили нас, стегали ежедневно словесными плетками. Пускай Икенна умел потрясающе обводить, а Обембе, стоя на воротах, творил чудеса, нас заклеямили любителями. Ребята частенько шутили, что наш отец, «мистер Агву», — богатей, раз работает в Центральном банке Нигерии, а мы — мажоры. Мальчишки дали отцу за глаза необычное прозвище Баба Ониле — в честь главного героя популярной йорубской мыльной оперы, у которого было шесть жен и двадцать один ребенок. Таким образом они высмеивали нашего отца, чье желание иметь много детей вошло в нашем районе в легенду. А еще на языке йоруба это слово обозначает богомола, такое жуткое, зеленое, похожее на скелет насекомое. Для нас эти оскорбления были невыносимы. Икенна, видя, что мы в меньшинстве и в драке не победим, как истинный христианин постоянно просил ребят не оскорблять наших родителей, ведь им те ничего дурного не сделали. Однако задиры не унимались, пока однажды вечером взбешенный очередным упоминанием отца Икенна не боднул одного из них головой. Тот среагировал моментально — ногой ударил моего брата в живот и набросился на него. В какой-то мо-